

Сказки

Материнское сердце

Не знаю, откуда пришла ко мне эта история. Может, приснилась. А может, я увидела её в глубине древней реки. Сидела на берегу, смотрела в воду и разглядела картины начальных времён.

Друг за другом плыли они мимо меня, словно кто-то в верховьях отрывал календарные листки от конца к началу. Всё более ранние, сказочные полотна проходили перед глазами. Меж ними привиделась эта, давняя.

Кому, кроме реки, помнить такую старину?..

С той стороны, куда убегает день, пришли в наши леса люди. В дремотных чащобах по рекам и родникам семьи сначала обживались порознь. Утаивались поглубже, боясь лиходейства. А чтоб сообща жить - того не было.

Поселилась в глухом распадке Мать с детками. Муж её умер, оставив после себя топор да меч.

Все заботы о ребятах женщине достались. Не топор бы ей с мечом, но что делать, если более некому. На охоту одна ходила, по грибы-ягоды, орехи да лечебнотравье - вместе с детьми. Жили они ладом, друг о дружке пеклись.

А неподалёку, в пещерных потьмах кряжистых гор, маялся крылатый змей. Все подземные каверны и лабиринты он уж сто раз обошёл, богатства сосчитал, во всех целебных ключах исплескался и теперь содрогал окрестные скалы тоскливым рёвом.

Надоела ему жизнь пополам со скукой. Поднялся на крыло и пустился низким лётном над таёжной загустью подругу себе высматривать. Понравилась ему старшая дочка Матери. Мог бы не спросясь умыкнуть — не стал, покуражиться решил. Подлетел к женщине, рычит:

— Отдай дочь за меня.

— Нет, — отвечает родительница. — Ты — змей, она — человек. Уморишь её в своих каменных чертогах.

— Тогда я меньших твоих детей изведу.

— Погоди малость. Дай обмыслить, — просит Мать.

— Думай день, — согласился змей и назначил привести невесту завтра на скалу, где солнце, оцарапавшись о кремнистый пик, каждый вечер кровь проливает.

Женщине о чём думать? Нельзя детей отдавать — и всё тут. Решила биться со змеем; да так, чтоб победить.

Опустилась она на колени, приложила ладони к земле, просит:

- Родная землиčka, никогда я тебя не обижала: твоего брала только в надобу, а не сверх меры, — тем жила и детей так учила. Дай силы для схватки.

Земля дала.

Поклонилась ей Мать и пошла на скалу, ту, куда завтра велено дочь-кровиночку привести. Подняла руки кверху, взмолилась:

— Небушко высокое, око вездесущее! Что ни посылало ты — всё принимала я без ропота и стоны; за всякую милость благодарила. Пошли мне отваги в завтрашнем бою.

Небо послало.

Спустилась Мать с гор уже в сумерках. Обратилась напоследок к лесу и реке:

— Берегите детей. Если погибну - вскормите, вспоите вместо меня... Прошелестела река, прошумели сосны, что согласны.

Только заря занялась, женщина к логову возшла, змея на бой выкрикивает.

Тот обрадовался: какая-никакая, а всё ж забава.

Стали биться: Мать — за детей, вражина - за прихоть.

Поначалу он вчетверть силы махался. А как соперница пошелушила ему чешуи на брюхе, так

понял, что пора всерьёз драться. Давай семииглым хвостом отхлещивать. Воительнице несладко, но удары держит.

Видит крылатый, что не может в честной схватке победить, захитровал: стал когтями о гранит чиркать, искры высекать.

Мать щурится, рукой заслоняется, разит вскользь. И змей уставать начал (на неправое дело охота иссякла).

Случилось, что ударили они впоследствии разом и рухнули замертво.

Из рассечённой груди воительницы выпало сердце и замерцало рядышком.

Земля погибших прибрала, помин оставила: обратила змеину чёрным валуном, а женщину — цветущей вишней. И сердце меж корней укрыла.

Ждали дети, высматривали родительницу, - нет, как нет. Пошли искать. Всю чащобу избродили, на отроги вздымались. Лишь в сумерках на высокой скале у чёрной глыбы набрели на вишнёвое деревце. Старшей дочери показалось странно, что оно летом цветёт. Обошла вишенку, видит: меж корней что-то светится. Наклонилась - алое сердце трепещет! В руки-то взяла, сразу матушкино тепло и узнала! Поняла, что той в живых нет.

Малышам любопытно диковину в руках подержать, а старшая украдкой слёзы вытерла, ничего меньшим не сказала.

Взяли они сердце и росли возле него, как возле костра. Жили дружно, работали споро. Лес ребят кормил, речка поила - как Матери обещали.

Из глухоманей на сердечный свет потянулись люди, и стали поблизости селиться. Дети всех привечали, а если кому огонька надо — сердечно го кусочка не жалели, отламывали. И вот чудо: наутро оно опять целёхонько, лучится ярче прежнего! Далёко видно...

Так и раздалось вдоль реки большое селение, на другой берег перекинулось. Подальше — ещё сколько-то деревень взросло, каждая с сердечным осколочком.

Одно за другим, дальше и дальше закладывались селения. На велико таёжное раздолье до голубоглазой тундры, до мглистых морей материно кого сердца, её отваги да силы хватило...

К слову сказать, вишенка та на горных неудобьях не выкрепла. Так тощенькая, в три веточки, и осталась. Дрожит в ненастье, гнётся под холодными ветрами — но каждый год к лету цветами покрывается.

2.

У одной селянки, Любушки, сынок был. Единственный. Растила его мать — наглядеться не могла: русые кудри вокруг румяного лица, справа на лбу — родинка-звёздочка. Бровью поведёт - метинка так и играет, толь ко что не светит. Мать на неё молилась.

Вырос молодец, смышлён да умел. Стало ему в родной деревне скучно. Пошёл по свету лучшей доли искать.

Проводила Любушка своё сокровище до деревенской окраины. Обняла, перекрестила, в дальних весях родной дом и себя помнить наказала. Постояла на взгорочке, посмотрела вслед, домой вернулась...

Год прошёл, другой пролетел. Любушке ни одного ясного денька не выпало: сын канул, точно солнышко закатилось.

Вот как пять лет разлуке сравнялось, не выдержала мать, пошла искать кровиночку.

По лесам, болотинам пробиралась, сто сёл да городов из края в край перебрела. Кого ни спросит — никто сынка не видал.

Исхудала странница, обносилась, и если бы не добрые руки, не надежда в сердце - пропала бы давно.

Шла однажды Любушка по просёлку. Смерклось, отдохнуть бы надо. Видит странница, впереди избёнка темнеет. Попросилась в ту избу ночевать.

Вошла, едва разглядела в потёмках: у окна старушка сидит.

- Добрый вечерок, бабушка, — поздоровалась пришелица.

— Это тебе каждый вечер добрый, а мне время помирать настало. Совсем обессилела. Дров

не соберу, огня не разведу.

— Так я помогу! — воскликнула Любушка. - Найдётся у тебя уголёк али свечечка?

— Нет ничего.

Пожалела Любушка хозяйку, а и помочь кроме душевного тепла нечем. Отломилла она частичку сердца и сунула в печь. По двору пометалась, дровец отыскала, щепы налучила, огонь развела. Бабушку на печь косточки отогреть подсадила.

Утром собралась уходить, а старушка ей говорит:

— погоди, голубка! Спасибо за помощь, но куда ж без сердца? Я-то не заживусь на белом свете; мне твоего тепла крошка надобна. Скажи, как тебе кусочек вернуть?

Подумала Любушка и говорит:

— Отдайте тому, у кого родинка над правой бровью.

Пошла дальше. Показалось, то ли дорога ухабицей стала, то ли сил убавилось. В лесу малость полегчало: тишь, прохлада, тропы мягкой хвоей усыпаны — ноги как в облаке.

Вдруг слышит: плачет кто-то. В ольховнике двое ребятшек, брат с сестрой, друг к дружке жмутся, дрожат.

— Что вы, деточки, тут делаете? — спрашивает скиталица.

— За грибами ходили, с дороги сбились. Домой хотим.

Любушка раздумывать не стала, отломочек сердца детям протянула. Скатился он с ладони, петушком обернулся, кукарекнул, точно позвал, и меж сосен побежал. Женщина говорит:

— Ступайте за ним, он вас к жилью выведет.

— Спасибо, тётяшка. Только как мы осколок тебе вернём?

— Отдайте тому, у кого на лбу метинка-звёздочка.

Брела Любушка дорогами и тропами, по тенистым борам и душистым лугам, по песку и медвяноросью. Не было у неё прежней силы, только тоска по сыну и помогала двигаться вперёд. Устала бедняжка, в берёзовой роще к стволу привалилась. Подходит к ней нищий старец.

— Что, милая, стоишь? — спрашивает.

— Устала я, дедушко. Сына ищю. Может, ты встречал? У соколика моего родинка над бровью, — рассказала женщина.

— Нет, голубушка, не видал. Мне бы водички испить, я бы дальше пошёл, может, и встретил его где.

Странница последний кусочек ему в руки вложила, шепчет:

— Возьми, старче, испей.

Старик посмотрел и ахнул: в пригоршне водица! Припал губами, напился, а на ладони опять клочок сердца трепещет. Хотел женщине его обратно отдать, да она уж не дышит.

И тут чудо: бездыханная странница берёзкой обернулась! Стоит, листочками шелестит, словно сказать хочет. Подивился нищий, поклонился деревцу до земли и пошёл путём — дорогой.

Задумал старик найти Любушкиного сынка. Нельзя чужое сердце при себе держать; надо бы парню отдать.

Ходил старец, к людям присматривался, про молодца спрашивал.

Осень прошла, зима навалилась. Люта была, да и она отступила. На исходе холодов повстречал старец того, кого искал.

— Не ты ли сын Любушкин? — спрашивает. Тот вздрогнул, отвечает, чуя недоброе:

— Я, дедушко. Дело у тебя, что ли, какое? Весточка ли от мамы?

— Весточка не весточка, а сказать есть что.

Поведал ему старик обо всём, что от женщины слышал и что видел. И трепещущий кусочек молодцу отдал. Заплакал сын, спрашивает:

— Как же, старче, мне берёзку отыскать?

— Тут я тебе не помощник. Сколь пройдено, не припомню, места того не узнаю. А вот

советом моим не побрезгуй. Пойдѣшь мать искать — всем в пути помогай, не жалея сердца, как она не жалела. Пусть тебе её памятка да сыновья любовь сил прибавляют. Положил молодец матушкин осколок за пазуху и пошѣл заветное деревце искать. Всюду, где привечали, про мать спрашивал.

В одной деревне он вдове плетень поправлял. А старшая дочка её глядела, глядела и говорит: — У меня, дяденька, подарок тебе есть, — и Любушкин отломок протянула.

Рассказала девочка про то, как незнакомая женщина петушком его обратила.

Кусочки-то сразу в один слились, засветились. Молодец за работу де нег не взял, пошѣл дальше. Туго пришлось бы в дороге, если бы не материнское сердце. В холода грело, в унынии бодрило, в безнадее веры сил придавало.

На хуторе парень столетней старухе дрова колол. Та ему сбережѣнную сердечную частицу отдала, объяснила, что наказ доброй незнакомки исполняет. И третий кусочек к первым двум как родной подошѣл. Пристроил парень его на груди.

Налились силушкой плечи, закипела кровь. Пошѣл Любушкин сын дальше. Всем помогал, кто попросит, никому не отказывал...

Привела его дорога к берѣзовой рощице. Непростой, видать, потому-то томительно на сердце сделалось, так грудь огнѣм и жжѣт. Стал он берѣзки обходить, по веточке надламывать, сок пробовать. У всех вкус одинаковый, чуток сладковатый, только у одной солѣным оказался. Всѣ понял молодец, упал перед деревцем, сердце в корни обронил, прощения просить стал. Молчит берѣзка.

Поплакал сын и задремал. А проснулся — чувствует, кто-то его по голове гладит. Так ласково, так знакомо. Вскочил, видит: сидит рядом матушка, жива и невредима!

Обрадовались они встрече, обнялись и пустились в обратный путь. По дороге старика добрым словом поминали.

Издали заметил парень свою деревеньку, повеселел, понял, что лучше одного дома, ближе матери никого и ничего у него нет, и не будет.

...Осталось только на своей сторонущке пригодиться.

Ангел

Серафим не умел летать, хотя носил вполне приличные крылья. Он был тяжѣл для полѣта. Из глины.

Жил себе, стоя на книжной полке и размышляя о превратностях судьбы.

«Вот штука, — говорил он себе. - Я рождѣн ангелом, значит должен летать, но стою на полке, и если взмою, то непременно разобьюсь на мелкие кусочки».

Или так: «Какой же я ангел, если не летаю? Так, страус или петух какой-нибудь».

Полка нависала над телевизором, и потому глиняный ангел порядочно знал о страусах, петухах и многом ещѣ.

Впрочем, грустные мысли о своѣм назначеньи в последнее время приходили всѣ реже. Одна из причин этого заключалась в том, что другие поделки: медведи, тигрята, аист с лебедем, стоявшие с ним рядом, тоже не могли двигаться. Чувствовали они себя при этом вполне живыми, но молчали, и Серафиму стало совестно пенять на жизнь.

Вторая причина такая, что лучше б не было.

Ангела задумала мама для шестилетней дочки. Они обе долго мяли глину, сбрызгивали водой и совещались, кто какие части вылепит.

Решили ещѣ, что у него в руках закрепят тоненькую кондитерскую свечечку.

Потому Серафим был не совсем прав, считая, что его назначение летать. Его задумали светоносцем...

Он до мелочей помнил, как рождался. С той минуты, когда над скользким, мажущим руки, податливым комком глины произнесли слово-идею «ангел» и придумали ему имя.

Любой нажим пальца, отрез стеклом, обмахивание влажной кистью снаружи что-то прибавляли к его душе внутри. С каждым косновением она тончала и усложнялась. Оживала...

Память сперва отмечала только ощущения: тут нажали, там отсекли, огладили... Когда Серафима принесли на подоконник сушиться, оставленная в покое душа огляделась, вздохнула, проверяя, может ли существовать сама по себе, и принялась впитывать из окружи всё: вид вещей, звуки, свет. Сначала вблизи, потом дальше, насколько хватало просторов дома, окна, того, что за ним.

Душа ангела сразу стала взрослой. Она не только понимала, но и чувствовала произнесённые слова.

А вот над сутью приходилось думать. Иногда так мучительно, что казалось, зеленовато-голубая глина вот-вот растрескается, обнажив душу, которая, полагал ангел, находится где-то в груди.

Вечерами Серафим разглядывал своё отражение в лиловеющем окне и мечтал о часе, когда создательницы возьмут гуашь, и он обретёт, наконец, особость, единственность, то бишь, как говорят в телевизоре, индивидуальность.

Он понравился бы себе облачно-белым с золотыми или синими каймами по крыльям и подолу. Впрочем, пурпур тоже смотрится неплохо...

Жданный день начался именно так, как виделось ангелу: мама с дочкой водрузили его на середину столика, принесли кисти с красками и принялись смешивать цвета.

«О, нет! - в ужасе закричал Серафим про себя. — Дамы, не надо золотить мне волосы и розовить крылья! Я похож на заурядного мещанского статуя!»

Бедный ангел... Его не слышали. Не видели слёз разочарованья. Он не мог даже закрыть от стыда лицо руками!

Через несколько минут его тога омылась цветом печального рассвета, а волосы — омлетной желтизной. Последней каплей горя стал заключительный штрих: девочка накружила ему на макушке оранжевый нимб!

— Зачем это? — спросила мама.

— У святых всегда бывает такой кружок... Напоследок они вкрепили в ладони Серафима свечку.

Теперь ангел в лазоревом одеянии, с оранжевой лепёшкой на голове выставлен на самую центральную, как мишень, полку. Первые дни Серафим мучился от неловкости за свой вид, ему казалось, что все вещи в комнате смотрят на него насмешливо или с жалостью...

Но время сгладило остроту горя.

Во-первых, ангел обнаружил, что никому нет дела до его наружности да и до существования тоже. Мало ли фигурок наместерили хозяйюшки.

Во-вторых, мама с дочкой гордились своими поделками, даже несуразными, отводя им в доме почётные места.

А в-третьих, всё-таки телевизор. Серафим не мог хорошенько видеть, что делается на экране, но слушал и запоминал. Скоро он приучил себя относиться к внешности философски.

Но если с апельсиновым нимбом на яичной голове он вполне сжился, то с бесполезными крыльями мириться не мог. Из телепередач Серафим усвоил, что ангелам положено летать. По-другому не бывает. Другое значит растратить жизнь впустую. Будучи умным то ли от природы, то ли от невольного всезнайства, он подозревал, что ему грозит остаться нелепой безделкой, которую выбросят, едва девочка вырастет и поймёт, как смешны её первые творческие порывы.

Но если уж кончина в мусорном ведре неизбежна, то хорошо бы набраться смелости,

подняться в воздух единый раз; а там и разбиться не страшно...

Этими мыслями он жил, слушая всячину из болтливового ящика и держа в ладонях свечной карандашик, но всё не мог отважиться на полёт.

3

Шло время. Ангел мудрел; и однажды понял, что любит своих хозяек. Да и все фигурки, вылепленные руками этих двух чудачек, любили их.

Глиняные и пластилиновые медведи и аисты умилялись, глядя на занятия мамы с дочкой, отмечая, как девочка прибавила в росте, как глубоко начала мыслить и много уже умеет. В такие минуты игрушки походили на родителей, безмерно гордящихся своим единственным чадом.

Несколько дней назад произошло нечто, заставившее Серафима окончательно забыть о себе.

Ангел заметил, что к кровати спящей девочки стала являться тёмная, сгорбленная фигура.

Она возникала из темноты, присаживалась на постель и жадными, сверкучими, как у голодного волка, глазами разглядывала ребёнка.

Малышка начинала метаться и бормотать. Мама брала дочь за руку, трогала губами её лоб, но старухи в изножье не замечала. Наутро тёмная карга исчезала, а девочка задумывалась, мало играла. Глазки подёргивались печалью. После обеда она просилась лечь, хотя прежде спать днём не любила.

Серафим чувствовал тревогу, но не мог её объяснить. Ночью, когда непрошенная гостья, отделившись от затемнённого угла, снова бесшумно скользнула к кровати, ангел шепнул соседкам по полке:

— Видите?

— Ага. Нам кажется, эта старуха злая. Малышке от неё плохо.

— Похоже, девочке нужна помощь.

Игрушки согласились. Правда, никто не знал, как защитить маленькую хозяйку от чёрной пришелицы.

4

Ещё две ночи приходила страшная незнакомка. Она осмелела: подсаживалась ближе, прикладывала узловатые чёрные пальцы к груди и горлу малышки. Девочка металась, кашляла.

Жители окрестных полок и шкафчиков дружно шикали на старуху, но та не принимала их в расчёт. Глина её не интересовала, ей нужен был ребёнок. Иногда она вскидывала костлявые руки, бормотала заклинанья, и от этого становилось жутко даже комнатной мебели.

Перед рассветом злая карга спешно исчезала, прикрывшись широки ми рукавами.

Но как только усталое за день солнце клонило голову, вечер-коршун обмахивал комнату влажными крыльями, пластал их, пикировал удлинившейся тенью на Серафимову полку.

- Ты со свечой? — иронично спрашивал он ангела. - Светоносный значит... Погоди, за мной явится ночь, а с ней — старуха с жёлтыми глазами. Они перепугают всех вас до смерти. Тебе известно, глиняный истукан что ночь, болезнь и смерть — сестры? Не придут ли они однажды вместе

Слушая издёвки, Серафим крепко, словно меч, сжимал вверенную ему свечульку. Он походил на божьего архистратига, но его душа дрожала.

5

Девочка заболела. Снадобья не помогали. Малышка лежала на диване, закрыв глазки. От любого звука вздрагивала и морщилась. Поэтому мама старалась всё делать бесшумно.

А игрушкам выносить тишину и бездвижие было невмоготу. Они I дали от невозможности

6

защитить девочку от ещё большей опасности, которая, им казалось, таится в грядущей безлунной ночи.

Вечером девочке стало хуже. Бедняжка впала в забытье, чуть шевеля подсохшими корочками губ.

Люстру выключили: свет раздражал больную. Вокруг ангела тотчас запорхали бархатные мотыльки из ночной свиты, затрепетали крыльями над оранжевым нимбом.

— Берегись, ангел, — лепетали они тоненько. — Всякая беда ночью наливается силой, иногда неодолимой. Горе любому огоньку надежды. Чем обережёшь свою хозяйшку? Как поможешь в немощи? Ты, верно, ни летать, ни светить не умеешь.

Что Серафим мог ответить? Летать он действительно не умел, а про свет вовсе не думал...

Но теперь подумал! Что если б его свечечка горела? Это ведь не люстра, не беспокоила бы малышку, но и ночь уже не была бы кромешной.

6

Изо всех сил ангел мысленно причитал (а ему казалось, кричал):

— Зажгите! Зажгите мою свечу!

Необъяснимым чутьём, которое есть только у детей, несчастная девочка услышала его мысли и посмотрела на полку.

— Мама, а почему Серафим не светит? Давай зажжём ему огонёк.

— Конечно, милая,- отозвалась мама, кинулась в кухню за спичками с такой готовностью, словно это было последнее средство помочь дочке.

И вот в ангельских белёных ладошках воссияло трепетное пламя. Оно мелко дрожало от неведомого дыханья или дуновенья и грозило вот-вот погаснуть, но не гасло.

Девочка следила за лепестком света, то дрожко прыгавшим на черенке фитилька, то кланявшимся на все стороны, словно известный маг-чародей.

Старуха-болезнь, уже поднявшая над постелькой руки-крючья, отдёргнула их, сжав в кулаки.

— Эй, бабочки-мотыльки! Что-то слабо веете крыльями. Почему огонь не гаснет? — окрикнула она свою свиту.

Вокруг Серафима ещё суетливей зароились антрацитовые насекомые, но близко подлетать не смели.

Ангел напряг затёкшие крылья, попробовал пошевелить ими, растопырить перья. На полку посыпалась глиняная пыль.

Распорхнулись испуганные приспешники зла и немощи. Полетели жаловаться кромешному величеству.

Рассердилась старуха, протянула к огоньку чёрные пальцы, приговаривая:

— Ты, ничтожный комок глины, настоящим ангелом себя возомнил?! А чудо сотворить можешь? Молчишь... Посмотрим, что тебе удастся, когда моя сестра-волчица придёт.

Серафим догадался, кого жуткая гостья зовёт сестрой, и от этой догадки пыль с крыльев посыпалась сильнее.

«Может, затушить огонёк поскорее? Сронить на пол, да и дело с коном? Никого тогда та волчица не найдёт, может, девочки тоже», — подумалось ангелу, но только на миг. Он быстро взял себя в руки.

Нет, пламя гасить нельзя. Его хотела видеть больная девочка, хозяйка Серафима, его создательница. Так и светить ему отныне изо всех сил. Он же ангел!

7

Девочка уже не бредила. Она изредка открывала глаза и смотрела, а светящееся пятнышко. Серафим не умел, подобно настоящим ангелам читать мысли, но верил, что луковичка его огонька помогает малышке бороться с болезнью.

Очередной раз мама измерила дочке температуру и покачала головой.

7

Обхватив свои плечи, она дважды прошлась по комнате и вдруг бросилась прямо к Серафиму.

Тот подумал — за ним, но мамина рука метнулась рядом. Там, в колонне книг, стоял толстый исписанный ежедневник. Перебрав страницы, хозяйка нашла, что нужно и половчее поднесла к огоньку, чтобы прочесть.

Изо всех сил, хрустя и пыля, ангел поднял свечу выше и подвигся на край полки.

Женщина пробежала строчки, рывком листнула страницу, отчего огонёк вздрогнул и заплясал бликами на стене. Старуха прынула от больной малышки. «Ага!— возликовал ангел. — Могучее зло испугалось!»

Мама бросилась в кухню и, вернувшись с чашкой, принялась рать горячее тельце дочки приготовленной жидкостью. Девочка закричала. Серафим с удивлением услышал мамин шёпот: «Кричи, милая, кричи!!»

Старуха спрятала ладони под мышки и хищными глазами уставила на ангела. Тот почувствовал, как огонёк обжигает ему руки: свеча истаявал

Карга-болезнь, расправив чёрный плащ, взялась обмахивать Серафима, боясь, однако, подойти ближе. Ночные страхи, неведомые тихие голоса выползли из углов, подступили к нему.

«Задуй свечу! Всё равно не устоять». «Ангел, видишь ночную бездну? Она - покой. Поддайся ей, замри, усни. Не надо бороться, всё решит само собой». Шёпоты, шёпоты плотным змеиным шипением окружи; ангела и сжимали кольцо медленно, чтобы его, как следует, пронял ужас.

Не глядя под ноги, Серафим с трудом поворачивался в стороны, отпугивая чернильные щупальца, прикрывал огонёк крыльями, чтобы не задули раньше времени. Ему некогда было бояться.

Ночные страхи отшатывались от лучиков, от тускло озарённого личика девочки...

Последнее, что ангел успел увидеть, это как мама взяла полотенце! вытерла испарину на лбу ребёнка: температура снизилась. Девочка дышала ровно, легко. Белокурая прядка на виске свилась влажным колечком. Квадрат окна за шторами посветлел.

Пожалуй, пламя ещё не успело погаснуть, когда Серафим потерял твердь под ногами и полетел.

Ангел летел вниз, а телевизор мчался навстречу и в миг столкновения поддал его в спину так, что больно затрещали крылья...

8

В рассветных лучах розовые перышки были едва различимы. В них не осталось глиняной скованности и неуклюжести. Не нужно было прокладывать сверхангельскую силу, чтобы распрямлять и складывать крылья. Вольно раскрывшись для полёта, они улавливали малейшие движения воздуха, легко взмахивали и парили с таким искусством, будто маленькому невидимому существу было сто лет; а между тем оно родилось недавно. Правда, уже во второй раз-Маленький человечек сел на форточку лицом в квартиру, болтнул ножками и услышал разговор хозяев.

— Мама, помнишь, мы слепили ангелочка? — спросила малышка. — Где он?

— Он разбился, дорогая. Не знаю, как это получилось. Я только утром заметила на полу осколки.

— Жалко, — сказала девочка со слезами в голосе.

— Я собрала кусочки. Можно размочить и слепить нового, — утешила женщина дочку. - Как только окрепнешь, мы этим займёмся.

«Вот оно что! — догадался крылатый невидимка, — А я-то думаю, почему вдруг полетел?! Был тяжёлым, то и дело сыпался пылью, скрипел и до ужаса боялся упасть. На самом деле

разбиться не страшно, а летать гораздо приятнее, чем казалось. Однако, пора». Он щёлкнул пальцами. Форточка отворилась, и легкокрылый порхнул наружу. На солнце прозрачный человечек просиял, собрался ринуться в воздушные потоки, но вернулся к окну и бережно затворил его. «Сквозняки», — подумал Серафим, а это был, конечно, он, вылупившийся из тяжёлой глиняной скорлупы. Как ангелу-новичку, ему поручалась охрана только одного семейства. Того, где недавно пошла на поправку его хозяйка. Серафим сделал грациозный пируэт и помчался туда, откуда тянулись световые полосы, - за изнизанное лучами облако.

Рассказы

Борькина рыбалка

У разу за говорливой быстринкой вода ещё вздрагивает струями, но течёт уже медленней, завиваясь по обеим сторонам в круги.

Зайдя на мелководе, маленький Борюшка почувствовал, как донный песок прожимается меж пальцами. Под пятку попали мелкие камешки, длинные зелёные водоросли обняли щиколотку.

Когдаходишь в воду, взмучиваются со дна купольца песка, мальки коричневыми торпедками разлетаются в стороны. Но если притихнуть и постоять, водное государство успокаивается, живёт прежней жизнью. Водоросли полощутся русалочьей пряжей, рыбки без страха шныряют, замирают между ступнями, словно играют друг с другом в прятки.

Четырёхлетний Борюшка жалеет, что не может нырнуть и пожить в реке, поиграть с мальками, затаиваясь в тёмно-зелёной тине. Для него речной мир сродни сказочному.

Малыш слышит с берега оклик, и сказка пропадает. Пора домой.

Мама почему-то боится воды и каждое утро, уходя на работу, берёт с сына страшную — престрашную клятву, что он никогда не пойдёт на реку без неё. Они вместе ходят на берег по вечерам.

Но втайне от неё он бежит с сельскими ребятами туда во всю.

Это не потому, что не любит маму, а потому, что по малости лет не знает пока цены клятвам и обещаниям, не умеет почувствовать мамин страх.

Ну и погода нынче! Даром, что май. Едва серединка его минула, а уж терпко дышится пылью, зной к полудню умаривает. Одно спасение — на реку. Там-то благодать. Только удить. И жару переможешь, и рыбки вечером принесёшь. Борюшка видел, как старшие ребята рыбачили, и понял: невелика премудрость.

Удочку себе он ещё вчера смастерил: к длинной палочке тонкий нитяной шнурок приладил.

Остальное и вовсе нехитро: стой себе, верёвочку в воде помакивай, рыба увидит — и прицепится.

Главное, чтобы мама не узнала, куда сын наострился. Потому Борюшка спросыпу чутко прислушивался, как она на работу собиралась, пошла, калиткой стукнула.

Он потихоньку выбрался в сенцы.

На улице маму окликнула соседка из дома напротив.

— Здравствуйте, Галина Андреевна! — поздоровалась Спиридоновна, — Вы уж на уроке моего-то поспрошайте, учил вчерась до ночи.

— Доброго дня, — отвечала мама. — Учить весь год надо было, а не перед каникулами, но, чем смогу, помогу вашему Вите. А вы за моим приглядите. Не утопал бы куда...

— Тяжело вам, одной, — сочувственно завелась соседка, вроде бы и не к месту. — Кабы муж был...

— Нам с Борей и вдвоём хорошо.

— Да жалко мне вас, голубушка, — не унималась тётка. — Единственный ведь, кровиночка.

Вон моих пятеро, за каждого душа болит, а ваш один. Сума сойдёшь, если что...
— Ладно, Спиридоновка, пора мне. Не опоздать бы, - мамин голос стал жёстким. — Так, приглядите за Борькой.

Борька мало понял из разговора.

Соседку он не любил. Не знал, почему.

Присмотреть за пострелёнком учительницы она соглашалась всегда, а заглядывала лишь к вечеру, незадолго до маминого прихода. Но как раз на это мальчик не обижался, откуда-то понимал, что под сердобольным прищуром Спиридоновны воли бы ему не было.

На реку-то можно сбежать прямо сейчас, огородами.

Сынок погодил: пусть родительница отойдёт подальше, и скоренько, чтоб уж не застигла, если вдруг вернётся, на реку запылил.

Мама что... Она простит, когда улов увидит.

В зеленоватой, светящейся до дна воде, солнце купало тени: на горбике мостка малец-коренастик замкнул удочку в рыбе царство.

Голубую кепчонку он повернул козырьком назад, чтобы не мешала за поклёвкой следить. Мальчуган неотрывно смотрел в точку, где нитяная верёвочка реку проткнула, и терпеливо ждал...

Солнце поднялось; Боре стало слепко смотреть на воду. Пришлось козырёк на лоб водворять. Воздух разогревался и погуживал насекомыми гимнами. К рыбачку изредка подлетали стрекозы. Одна синяя с отливом и лётчицкими глазами устала на Борюшку. Ух, глазищи! Они, похоже, ей нужны больше, чем вся голова. С ними стремительная красавица походила на дозорного, облетающего владения.

Малышу с летучим патрулём делить нечего, отвлекаться тоже нельзя, и он прогнал стрекозу-вертолётчик с обзора.

Почти сразу ещё одна назойливо громко затрещала крыльшками, будто моторчик у неё заработал.

Боря сердито отмахнулся и от этой, не дал посидеть на блёклом ситчике кепки...

Тут вспомнил, что бывалые рыбаки обязательно поплёвывают на шнурок. Зачем, не знал, но, видно, так надо. Может, на удачу. Малышок вынул верёвку, поймал её хвостик и нарочито плюнул. Получилось хлётко, по-всамделишному. Теперь уж точно ожидай скорой поклёвки. Он изготовился отправить осчастливленный шнурок обратно на промысел, размахнулся, но по неловкости со свистом швырнул в воду снасть целиком.

Тревожно распахнутыми глазами рыбачок провожал удочку в нечаянное путешествие.

Река понесла её, бережно разворачивая, словно удивлённо рассматривала диковину. Но близ берега, в заводи оставила, не взяла дальше, равнодушно закачала в кашках. Интерес, видно, потеряла к незамысловатой забаве.

Поглядел малыш, что близко, достать можно, опрометью слетел с моста и, мелькая розовыми кругляшами пяток, помчался добывать своё сокровище.

В месте, где удочка плавала ближе всего, увитый кустками ракиты невысокий берег ровно обрывался в воду, словно его для пушей красы лопатой подровняли. Борик присел, потянулся, напряг пальчики — не достал. Лёг, чуть не полтела выстлал над речной гладью — где там: не хватает чуточки.

Он вцепился в гибкие ракитовы кудри, всей тушкой навис над водой, выпростал руку — опять никак! Всё та же чуточка нужна.

Вот бы на секунду отпустить ветки, схватить удочку — и снова уцепиться за ракиту. Небось получится...

Стал малец приноравливаться к такому хитрому манёвру и уже исполнил бы, да увидела его с мостка молодлица. Хлопнув себя по большой груди, причитая на каждый шаг, она бросилась к мальчугану, огребла его полной рукой, рванула на себя. Откачнувшись, молодлица мягко прокинулась на спину: Борюшка оказался верхом на желеино кольшащемся животе и тут же стал вывёртываться из душного обхвата. Та припыхивала, густо дышала теплом, не

отпускала.

По опыту мальчик знал: чтобы вырваться, надо хорошенько зареветь.

И он заревел: «Моя удочка! Там моя удочка!. Ведь в самом деле жалко! Чтоб тётя поняла, как непустяшно горе, он изо всех сил засучил ногами и подпустил в голос рычка.

Но спасительница будто не слышала, так же, как мальчик не внимал тому, что она говорила. А говорила про двухметровую глубину обманчиво-спокойной заводи, увещевала то ли ласково, то ли плаксиво, и силой тащила в село.

Как там отыскалась мама, Борька не помнил. Он оплакивал сгинувшую уду. Наверное, женщина была их знакомая и потому доставила несчастного спасенца прямо к маме на работу. А та повела сына домой.

На хлюпающего носом и вздрагивающего Борю любопытно глядела Спиридоновна, выложив локти на забор. Мама провела сына сквозь калитку, не глядя в соседкину сторону.

Под рукомойником она смыла горестные потёки со щёк малыша, выдавила, словно тюбик, нос и потёрла лодочкой рук его грязные пальцы.

Умытый, с мокрой чёлочкой, венчающей лоб жиденьким потешным гребешком, Борюшка сидел за столом и шумно хлебал борщ, зажав черенок ложки в кулаке. А мама, подперев ладонью щёку, смотрела на сына, время от времени убирая большим пальцем свекольные капли с его подбородка...

С этой истории началась память Бориса о себе. Из раннего детства он помнил лишь отдельные кадры и то неточно, отрывисто. В день несчастной рыбалки к нему пришла долговременность воспоминаний. С годами эпизод становился ярче, и всё меньше оставалось в нём непонятного.

Димка

Димка ёрзал на стуле в приёмной. За неплотно прикрытой дверью директорского кабинета шумели о нём. Леонид Трофимович и Антонина Павловна говорили громко, каждый считал себя правым. Секретарша, возле которой усадили мальчика, пальцами - паучьими лапками вкрадчиво перебирала по клавишам и косилась на Диму. Она тоже слышала спор, но показывала, что её это не касается.

— Леонид Трофимович, нельзя Соколова ставить на учёт в детскую комнату милиции.

— По-вашему, прогулы не повод?

— Послушайте, он талантливый мальчик. Прогуливает, а контрольные на «пятёрки» пишет. В моём классе он — лучший ученик. Спросите хоть кого. Учителя в нём души не чают. Сейчас он - обычный подросток, а поставим на учёт — клеймом пометим: трудный, значит, не такой как все. Учиться бросит - потеряем человека... То, что с ним происходит — всего лишь тяготы возраста...

- Ну, смотрите. Мер пока принимать не буду, до следующего проступка. Вы - классный руководитель, с вас и спрос.

— Спасибо, Леонид Трофимович. Всё будет хорошо, обещаю. Дверь клацнула. Антонина окликнула Диму:

- Пойдём в класс.

Понимая, что в сотый раз спасён, парнишка внутренне усмехнулся. Хорошо, когда у тебя такая учительница.

2

Уходим по одному: сначала я, потом — ты. Если поймают, тебе ничего не будет. Ясно? — внушал Костя.

— Угу, — гукнул Димка, хотя сомнения шевельнулись.

В галантерейном отделе ему поручалось быть как можно заметнее: пластаться на витрину, громко спрашивать продавцов о ценах, пока дружок ныряет под прилавок. За стеклянной тумбой на стуле скорчилась раскрытая сумка, выставив на прельщённый взор пухлый бумажник...

Стержнем их недавнего приятельства был Костя. Он всего на год опережал в возрасте, но, казалось, о жизни знал всё. А Дима - только про себя: отличник, баловень учителей и родителей. Отец давно обосновался бы в новой семье, но от сына оторваться не мог; мучил мать, себя, своего любимца, его братьев. Это — неинтересная жизнь. Надо опробоваться в рискованном, щекочущем ноздри, говорил старший приятель. Дима верил.

Сначала они брали деньги у Костиной мамы. Она забывала «сотенки» в карманах и разных сумках. А спохватывалась — не знала, что думать. Ей и в голову не приходило поспрошать нежно-кудрявого сына.

Мамино ясноглазое недоумение и свои карманные удачки развлекали ребят, потом прискучили.

Однажды, хитро подмигнув меньшому, командир развлечений стянул доллары у своего делового отца. Тот сразу всё раскумекал, завернул сыновье зефирное ушко и приказал возвернуть с процентами.

Понимая положение, Дима не мог бросить Костю, потому безоглядно согласился поохотиться в универмаге...

Когда на выходе Диму зацепили под руки молодцы-охранники, он не испугался. Удивился только, как быстро и без шумихи это получилось. Почуй мальчик тревожинку, уходил бы шибче.

А спустя ещё минут двадцать порядком тухнул: из его рюкзачка милиционер вынул пустой кошелек! Тот самый, краденый. И когда дружок успел втиснуть?!

Коротко накатившая волна первого страха схлынула. Дима ободрился, вспомнил, что малолетних не наказывают, и вдохновенно отнекивался ото всего.

Довольно скоро Костю тоже высветили. Ещё бы, в магазине полно людей: кто-то видел, что-то понял — клубок и размотался.

На допросы Диме велели ходить с матерью, а он вдруг открыл, что жалеет её, вконец издёрганную семейными неурядицами. Эта жалость удивила; до сих пор-то он верил, что ему трудней всех.

Впалогрудый, недоразогнутый, как ссохшийся башмак, следовательно вопрошал, выуживал неправду трескуче, будто сухарь крошил. Никогда не высил голоса. Дима даже зауживал Сергея Львовича. Казалось, милиционер сочувствует ему, и значит, не допустит худшего.

Очная ставка с Костей вышла глупой. Главварёк запоздало впутывал вымыслы в правду, но следовательно спокойно подвёл беседу к нужной точке и всех отпустил.

В коридоре Димка заметил Антонину Павловну. Близоруко щурясь, она подносила лицо к номерам на дверях и не разглядела воспитанника.

Мальчик съёжился; захотелось шапку-невидимку. Конечно, учительница знает про кражу и допросы, — он понимал это, но не мог помыслить, что её тоже начнут вызывать.

В школе Антонину любили. Не только за увлекательную биологию. Она за распоследнего лентяя горой стояла. Выбелит перед директором так, что только нимб не пририсует. Но лентяи — не преступники, мрачно думал мальчуган. Она, небось и его в тот злополучный день оправдывала. Теперь у неё неприятности.

От этой мысли стало совестно и жарко. Он заторопил маму к выходу.

3

В изолятор для несовершеннолетних заточили на месяц. А Костика непостижимым образом вызволил отец-коммерсант.

Дима с трудом верил, когда зачитывали решение. Ведь раньше по всему выходило, что ему не отвечать: четырнадцать лет — неподсудный возраст; душевный Сергей Львович являл

сочувствие и надежду; да и не Димка крал! Но вот же...

Весь путь до изолятора он цепенело смотрел перед собой, словно контуженный, оттого казался спокойным, тёртым.

Ему выдали красную спортивную куртку и показали кровать. Мальчуган присел, ссутулился, почувствовал себя беспомощным тряпичным зайчиком.

Но постепенно это прошло. Здесь все такие: попали за что-то. В классе Димка, сгруженный беззаконием, наверное, тяжело переносил бы и любопытство, и осуждение «чистеньких», неизмаравшихся приятелей и девчонок. А тут - равенство..

Кроме того, надзиратель назывался воспитателем, распорядок напоминал пансионатный (уроки, послеобеденный отдых, кормёжка по часам). На прогулках играли в футбол: смеялись, высвистывали восторг, забывая голы и забывая про кирпичную стену с проволокой сверху.

Спустя несколько дней воспитатель вызвал Диму: пришли навестить. Но не мама.

За полированным кирпичом стола, пыльно пахнущим неприятностями, сидела Антонина Павловна. Ещё не хватало! Настроение съехало под гору.

Его усадили напротив учительницы, руки велели выложить перед собой.

- Здравствуй, Дмитрий, — произнесла она жестяным голосом, будто проповедник, не любящий паству.

Подросток даже знал тему душеспасения: «Как нехорошо воровать».

А ещё он чувствовал, что теряет человека, который верил в него до последнего.

Горечь сдавила горло, скулы напряглись добела, глаза повлажнели... Антонина потянулась через стол, накрыла Димкины кулачки, пытаясь заглянуть в глаза-

— Деточка, что ты... Мальчик мой, успокойся. Всё будет хорошо...

Дима не знал, куда спрятать лицо, отворачивал голову в сторону, гоня слёзы...

Антонина отпустила руки, отвела взгляд.

Разговор вышел пустой: про режим, уроки, обеда. На прощание учительница почему-то сказала:

— Знаешь, есть дети, которые мечтают, чтобы их утром поднимали на зарядку, кормили трижды в день, проверяли уроки. Для них твоя теперешняя жизнь — невозможное счастье, по сравнению с вечно пьяными родителями, побоями, голодными ночёвками в подвалах...

В школу Дима вернулся так, будто всего лишь грипповал. Ребята шумно здоровались, но о главном никто не спрашивал. Даже, по-димкиному, недоумки. Без Антонининых увещеваний тут, конечно, не обошлось. Мальчик радовался, что сегодня в школьном дне нет биологии; ему казалось, встретив «классную маму», умрёт на месте. Но она сама зашла перед историей. Обыденно поздоровалась со всеми, и протянула Димке листок с заданиями: заканчивалась четверть, нужно догнать учение.

После каникул Дима в гимназию не вернулся. Семейный совет отправил его в приморский город к бабушке с дедом, в крепкую духом капитанскую семью, в целительный климат, а главное, подальше от ненадёжных друзей вроде Костика.

Через несколько лет в приёмной гимназии Антонину Павловну спрашивал высокий ладный курсант морской академии. Это был Димка...